

Часть II

**Потенциал
современного общества
в противодействии коррупции**

Part II

**The potential
of contemporary society
in counteracting corruption**

Вячеслав Николаевич Гуляихин
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
права и государства
Волгоградской академии МВД РФ,
г. Волгоград, Россия.
E-mail: gulyaih@yandex.ru

КОРРУПЦИЯ КАК АТРИБУТ КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ДИАЛЕКТИКА ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВА

Исходным тезисом в статье выступает утверждение, что феномен коррупции возникает уже во времена зарождения человеческой цивилизации как следствие фундаментального диалектического противоречия между частным и публичным, обостряющегося из-за несовершенства наличных форм государственного устройства. В качестве методологических оснований исследования были использованы концепция нормального правосознания И.А. Ильина и идея договорного сознания М.К. Мамардашвили. Автор приводит исторические факты, свидетельствующие о том, что неразвитость таких институтов, как государство, частная собственность и право, является одним из основных факторов генезиса коррупции. Уровень ее проникновения в систему общественных отношений – это показатель того, насколько социально здоровыми являются взаимодействия между человеком, обществом и государством. Оптимальный баланс *частного*, представляющего собой экзистенциальную основу личности, и *публичного*, являющегося системообразующим началом государства, способствует искоренению коррупции. Эти первоосновы диалектически неразделимы в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей: они выступают как антагонисты, но их существование невозможно друг без друга. Автор делает вывод, что необходимое условие преодоления коррупции заключается в установлении между частным и публичным равноправных «договорных» отношений, согласно которым государственные институты отстаивают права и свободы граждан, а те, в свою очередь, готовы встать на защиту интересов государства. Важно закрепить в правовой культуре общества «договорные» паттерны мышления и поведения. В статье предлагается теория нормального договорного состояния правосознания, которая может оказаться полезной для продолжения исследований, направленных на решение проблем системной борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, публичное, частное, правосознание, диалектика, договорное сознание, цивилизация, паттерны мышления, эволюция, кризис.

Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду! – и во Франции, и в Англии, и в честной Германии, в России же, я думаю, более, чем в других государствах.

М.А. Бакунин

Целый ряд исторических источников свидетельствуют о том, что уже с библейских времен коррупция становится неотъемлемым атрибутом эволюции государства и права, отражающим их внутренние противоречия, вызванные радикальным расслоением общества. Оказавшиеся на вершине социальной пирамиды, многие представители власти начинают забывать о выполнении своих публичных обязанностей и действуют лишь в своих частных интересах, при этом достаточно легко преступая закон. Порой мздоимство принимало опасные размеры и вызывало сильное недовольство населения. Так, живший во времена правления израильского царя Иеровоама II библейский пророк Амос резко обличал в своих проповедях социальную несправедливость, выступая с публичной критикой судей, вымогающих взятки и попирающих права бедных (Рижский 1992: 170). За свои идеи, опасные для коррумпированной власти, Амос был убит сыном местного священника, но его социально-религиозные идеи не были забыты и оказали сильное влияние на взгляды последовавших за ним пророков.

Поскольку мздоимство присуще в той или иной степени всем цивилизованным народам вне зависимости от форм государственного устройства и типов политического режима, то в связи с этим возникает ряд вопросов. В чем причина живучести коррупции, которая кажется непобедимой, и это несмотря на все усилия многих лучших умов человечества избавиться от нее? Что говорит исторический опыт активного противодействия ей со стороны государства? Какие системные меры следует использовать, чтобы наконец-то побороть ее? Найти

ответы на эти вопросы вполне можно в трудах наших отечественных мыслителей, исследовавших эту проблему, которая совершенно не утратила актуальности за многие века своего существования. К ним прежде всего следует отнести Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.И. Костомарова, М.К. Мамардашвили и А.И. Солженицына, видевших в коррупции одну из самых болезненных социальных язв России.

С присущим ему аристократизмом И.А. Ильин относит к черни всех взяточников вне зависимости от их материального положения, уровня интеллекта и сословной принадлежности. «Различие между публично-правовой сферой и частно-правовой, преимущественность публичного блага перед частным, священность публичной обязанности – все это недопустимо черни; именно поэтому она веками берет и дает взятки, распродавая и расхищая государственное дело, уклоняется всеми средствами от обременительных повинностей, сохраняет безразличие в минуту общественных бед...» (Ильин 1993: 137). В основе любого рода продажности И.А. Ильин обнаруживает основную слепоту и отсутствие собственного достоинства. По его убеждению, лишь зрелое правосознание может искоренить взятку из общественной жизни. Особую роль философ-правовед отводит государственной власти, которую он предупреждает: «...политический режим, не взращивающий в народе чувство собственного достоинства, обречен на то, чтобы разложиться однажды от торжества частной корысти над общим интересом и пошлости над духом» (Ильин 1993: 138). Из этого можно сделать вывод, что перед любым представителем власти стоит выбор: либо демонстрировать своим поведением образец честности, порядочности и гражданской сознательности, либо морально опускаться, ставя свои частные потребности выше общественных интересов.

Будучи монархистом, консервативно и патерналистски настроенный И.А. Ильин видит ключ решения проблем коррупции прежде всего в деятельности сильной государственной власти, которая должна заботиться о нравственном состоянии народа. Он выстраивает достаточно простую, но слишком абстрактную схему борьбы с ней: необходимо добиться торжества общих интересов над корыстью и духа над пошлостью, что и станет основой избавления общества от всяких форм

продажности. Трудно с этим не согласиться. Но никаких конкретных «рецептов» и действенных социальных технологий, никакого внятного описания механизмов и алгоритмов достижения столь высоких целей им не предлагается, что ставит мыслителя в один ряд с милыми и прекраснодушными интеллигентами-утопистами, которых много знала дореволюционная Россия, но которые были «страшно далеки от народа» и реальности.

Несомненная заслуга И.А. Ильина заключается в том, что он дает ответ на вопрос о первопричине коррупции. Это доминирование частного над публичным в сознании и, соответственно, субъекта, в общественно значимой деятельности, когда интересы публичного не являются приоритетными в его ценностно-смысловой системе. Хотя философская система И.А. Ильина сложилась под сильным влиянием работ Гегеля, тем не менее он игнорировал диалектическую взаимосвязь между частным и публичным, проявляющуюся в том, что частное отрицает публичное и наоборот. Для общественно-исторического прогресса необходим их «здоровый» синтез. Вполне очевидно, что частное (по крайней мере на его экзистенциальном уровне) не должно ущемляться публичным. В противном случае следует ожидать негативных последствий не только для частного, но и для публичного.

Следствием ущемления публичным частного нередко становится возникновение различных форм продажности, когда «обиженное» частное начинает «забывать» о необходимости защищать интересы публичного, с которым оно находится в диалектической взаимосвязи. История знает немало таких примеров. Так, «античная литература изобилует примерами следования судей корпоративным интересам, фактами пристрастного разбирательства судебных дел из-за подкупа судей» (Руденко 2014: 443). Хотя для современного человека Древняя Спарта является образцом беззаветного патриотизма, мужественности и стойкости, тем не менее ее граждане были весьма склонны к взяткам. И это несмотря на то что с юных лет из спартанцев готовили закаленных воинов, воспитывая у них суровыми методами отвагу, твердость духа, презрение к смерти, любовь к родине умение держать свое слово и презрение к богатству. Спартанец, по сути, не принадлежал самому

себе. Он был обязан стать воином и служить до самой старости государству, которое внимательнейшим образом следило за тем, чтобы гражданин неуклонно соблюдал обязательные для всех моральные нормы, социально-уравнительные правила и вел аскетический образ жизни, предписанный законом. И чем в итоге обернулось такое патриотическое и аскетическое воспитание молодежи, основанное на подавлении публичным частным и личным? Спарта погрязла в продажности и коррупции. Об этом пишет Б. Рассел: «Исключая войну, действительность Спарты никогда не была точно такой, как ее теория. Геродот, живший в период величия Спарты, с удивлением отмечает, что ни один спартанец не мог устоять перед взяткой. Это происходило, несмотря на тот факт, что презрение к богатству и любовь к простоте жизни были одним из основных правил, внушавшихся в спартанском воспитании» (Рассел 2001: 142). Получилось совсем противоположное тому, что задумывали отцы-основатели этого государства. Публичное, выступая в качестве антитезиса частного, в итоге вступило с ним в социально нездоровый синтез: в период расцвета государства Спарты (сильное публичное) ее граждане не находили в себе моральных сил устоять перед взяткой («бунтующее» частное). Образовался общественно-политический монстр, состоящий из доминирующего, сильного *публичного* (государственной власти) и задавленного уравнительными законами, слабого *частного* (личности).

В Древней Спарте коррупция проникла на самый верх власти. Анализ фактов взяточничества спартанцев позволил Л.Г. Печатновой сделать вывод, что «для Спарты коррумпированность ее царей не была редким явлением и не воспринималась как что-то из ряда вон выходящее ... спартанцы не только охотно ... брали взятки, но и давали их» (Печатнова 2001: 490). В своем исследовании она опирается на труды Аристотеля, Геродота и Плутарха, которые отмечают сильную коррумпированность спартанского общества. Так, Геродот рассказывает историю о том, что в 524 г. до н.э. спартанский царь Клеомен I, возглавивший военный поход на Самос, получил взятку от самосского тирана Поликрата. В результате спартанские воины, даже не предприняв решительного штурма, отступили от городских стен. После такого позора против царя был начат даже

судебный процесс, но Клеомен I объяснил причину отказа от штурма негативным предсказанием оракула по поводу окончания битвы. Такое объяснение вполне удовлетворило судей. Кроме того, Геродот упоминает об обвинениях Клеомена I в получении взятки в 494 г. до н.э., когда тот был подкуплен аргосцами за отказ штурмовать их город, а три года спустя ему вменяли уже корыстный сговор с афинянами о проведении военного похода против Эгины, ставшей им серьезным торговым и политическим конкурентом. Но эти обвинения так и не были доведены до суда. Сам Геродот не был уверен в правдивости этих историй. Тем не менее само количество подобного рода «исторических анекдотов» говорит о том, что коррупция высшей власти в Спарте была вполне обычным явлением. Плутарх сообщает даже о попытках подкупа влиятельных дельфийских оракулов политиками, желающих стать частью спартанской элиты (Печатнова 2001: 491).

Несмотря на создание общественно-государственной модели, предполагающей однозначное доминирование публичного и общего в социальных отношениях, у спартанцев не смогли «задавить» экзистенциальное частное, которое внешне стало проявляться в криминальных формах. Такая модель общественно-государственного устройства позволила спартанцам одержать победу над более аморфными Афинами в Пелопоннесской войне и добиться гегемонии в отношениях с другими эллинистическими государствами, но тем не менее их государство относительно быстро пришло в упадок и сошло с исторической сцены, главным образом из-за острых внутренних социальных конфликтов и противоречий, когда криминализовавшееся частное стало активно разрушать архаические и эгалитарные устои спартанского общества.

Другой исторический пример тотального подавления частного публичным – неудачная попытка построения коммунистического общества в Советской России. Радикальные социальные прожектеры исходили из ложного тезиса, что все частное и единичное должно либо стать частью общего, растворяясь в нем, либо совсем исчезнуть. Утверждалось, что частная собственность и буржуазный индивидуализм – источники всех социальных бед. Отсюда интересы государственного, партийного и коллективного следовало ставить гораздо выше частного,

беспартийного и личного. Большевики всеми силами старались добиться тотального контроля государства и партии над частной жизнью советских граждан. Доминирование публичного и коллективного как ценностно-смысловая установка было принято как ключевое в официальной идеологии и усиленно пропагандировалось творческой «рабоче-крестьянской» интеллигенцией, подкармливаемой властью. Так, эту установку выразил в эмоционально окрашенной стихотворной форме «пролетарский» поэт В.В. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин», включенной после его смерти в обязательную школьную программу. «Единица – вздор, единица – ноль, один – даже если очень важный – не подымет простое пятивершковое бревно...» – утверждал поэт. Несмотря на страстное проповедование Маяковским коллективных и партийных ценностей, для самого поэта они не были экзистенциальными. С нарастанием публичного как регулятора личной жизни он стал задыхаться в затхлом полуказарменном советском быте. Не выдержав издевательской критики и давления «пролетарского» окружения, поэт принял решение уйти из жизни.

Партийная диктатура в виде военного коммунизма тотально ущемляла частное и, по идее, должна была выкорчевать всю коррупцию не только из советского госаппарата, но и из жизни граждан. Тем не менее Н.А. Бердяев констатирует в 1918 г.: «Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо. Происходит грандиозная нажива на революции. Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России» (Бердяев 1990: 125). Почему так произошло? Ведь очищающая сила революции смела сначала прогнивший царский режим, а затем и буржуазное Временное правительство, и, как казалось, была нацелена на искоренение всех социальных пороков. Почему же «коррупционная конституция» русской жизни не только устояла, но и еще более укрепилась, лишь несколько изменив свои формы?

Советская власть пытается бороться со взяточниками драконовскими мерами. В 1918 г. В.И. Ленин требует усилить уголовные репрессии в отношении коррупционеров, указав, что за их противоправные деяния надо давать не мень-

ше десяти лет тюрьмы и сверх того добавлять им еще десять лет принудительных работ, то есть на наказание и «перевоспитание» взяточников отводилось в совокупности двадцать лет. С некоторой долей удивления (как в свое время Геродот о коррупции среди спартанцев) А.И. Солженицын писал: «Как ни странно, но в те громовые годы так же ласково давались и брались взятки, как отвеку на Руси, как довеку в Союзе. И даже и особенно неслись даяния в судебные органы. И, робею добавить, – в ЧК. Красно переплетенные с золотым тиснением тома истории молчат, но старые люди, очевидцы, вспоминают, что, в отличие от сталинского времени, судьба арестованных политических в первые годы революции сильно зависела от взяток: их нестеснительно брали и по ним честно выпускали» (Солженицын 2009: 165).

Жесткий и репрессивный подход большевиков к проблеме взяток не исправляет плачевную ситуацию. Спустя три года после «триумфального шествия» советской власти Ленин называет взятку в числе трех главных ее врагов и в качестве основной меры борьбы с ней выдвигает невнятное требование «повысить культурный уровень масс» (Ленин 1970: 174). Но, может быть, решительному и жесткому правителю Сталину удалось переломить ситуацию и уничтожить коррупционные устои? Отнюдь. Как пишет Солженицын, характеризуя послевоенную жизнь в СССР, «везде – блат, взятки, коррупция» (Солженицын 2009: 489). Другими словами, экзистенциально ущемленное частное нелегитимно пробивалось через суровые запреты публичного, отстаивая свое естественное право на существование, и в итоге нивелировало его, полностью разрушив институт государства – советскую систему власти.

В постсоветской России наблюдается другая крайность – частное добилось абсолютного доминирования над публичным. Более того, публичное стало квазипубличным, поскольку системно защищает уже чьи-то частные корыстные интересы (олигархов, коррумпированной бюрократии, мафиозных структур, региональных этнократических кланов и т.д.), а не фундаментальные потребности государства и общества. «Если в советский период речь шла об облегченном доступе к дефицитным ресурсам, то механизмы приватизации и коррупции многократно увеличили масштаб возможных злоупотреблений»

(Мартьянов 2017: 512). Мздоимство и казнокрадство расцветают еще более пышным цветом. Пытаясь определить причины происходящего, игумен Вениамин приходит к выводу: «Взятки и карманные суды – это следствие не только банальной испорченности людей. Это и глубокое непонимание чего-то очень существенного» (Вениамин 2001: 164). Действительно, таким «непониманием» отличается российское общественное сознание. В нем в силу разных причин нет осознания того, что в каждой общественно значимой ситуации субъект должен сделать правильный выбор, понять, чем ему необходимо руководствоваться в своей деятельности: интересами общего и публичного – или частного и личного. Одна ситуация может требовать поступиться личным и экзистенциальным в пользу публичного, другая, наоборот, ставит перед необходимостью отстаивать свои естественные права и свободы перед давлением власти. Далеко не каждый может правильно определиться с приоритетами. Здесь существенную роль играет та модель социализации, которая задала субъекту соответствующие паттерны мышления и поведения (Guliaikhin, Galkin, Vasil'eva 2013: 70).

Основополагающим фактором нормализации общественно-правовых отношений между частным и публичным является наличие договорного правосознания как у народа, так и у власти. Об этом пишет М.К. Мамардашвили, ратующий за укоренение «сознания договорности» отношений граждан с государством: «...я, например, готов платить и большой налог, но при одном условии, чтобы я видел, что государство чинит дороги, что оно проводит назревшие реформы, а не обращается с нами как со скотом, и, например, в школе не происходило бы то, что немисливо ни в одной цивилизованной стране и даже ни в одной традиционной стране. Даже в арабских странах, я думаю, ни одному традиционно мыслящему человеку, я уже не говорю о цивилизованной Европе, не придет в голову, что учителю можно давать взятки и за деньги покупать диплом» (Мамардашвили 2000: 204). Вслед за И.А. Ильиным философ признает приоритет государства в деле нормализации правосознания общества, но более конкретизирует эту идею, подчеркивая важность установления договорных отношений между человеком и государством,

базирующихся на соответствующих паттернах мышления и социального поведения.

Многие влиятельные мыслители и общественно-политические деятели (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.И. Ленин, М.К. Мамардашвили и др.) отводили государству (публичное) главенствующую роль в борьбе с коррупцией и мало обращали внимания на роль в этом деле гражданских институтов и ассоциаций (частное). Между этими двумя началами правовой жизни необходим компромисс, который возможен как их диалектический синтез. Конечно, такой компромисс не уничтожит полностью коррупцию, но сделает ее аномальным феноменом, чуждым созданной на его основе системе общественно-государственных отношений. Подобного рода систему необходимо выстраивать исходя из принципа договорных отношений, который, предполагая равенство сторон, придаст им надежный и устойчивый характер.

Новые, «синтетические», формы борьбы с коррупцией должны иметь публично-частный характер и обязательно включать в себя гражданские общественные организации, чья деятельность отличается правоохранительной направленностью. Интересно, что схожую модель, объединяющую усилия народа и царской власти по борьбе с коррупцией, пытался претворить в жизнь еще Петр I, который обязывал население и служилый люд не бояться доносить на мздоимцев, «не выкручиваясь тем, что страха ради сильных лиц или что его служитель», и требовал, чтобы взяточник был «жестoko на теле наказан, шельмован, всего имения лишен и из числа добрых людей извержен и смертью казнен» (Костомаров 1993: 644). Вполне очевидно, что в условиях абсолютной монархии, когда общество было сословным и существовала жесткая вертикаль власти, невозможно создать горизонтальные коммуникативные связи представителей власти и народа для борьбы с мздоимцами.

В правовом пространстве частное не должно быть ущербным и авторитарно задавленным публичным. Нахождение граждан в договорных и равноправных отношениях с публичным будет объективно способствовать рациональному выбору ими антикоррупционных ориентиров правового поведения. Ведь с помощью рефлексии приходят к личности осознание ценностного смысла правовых норм и неприятие коррупции.

В ее правосознании формируется персональное отношение к правовым идеалам и социальным регуляторам, доминирующим в обществе. Имеется сложная диалектическая зависимость между ценностными ориентациями, задаваемыми публичным, и персональными ценностными ориентирами, выбранными человеком.

При анализе проблемы формирования ценностно-смысловой системы правосознания, определяющей отношение личности к коррупции, необходимо учитывать не только диспозиции, регулирующие ее поведение на бытовом уровне, но и имеющиеся у нее принципы и установки, сформированные на мировоззренческом и духовном уровнях. Следует отметить, что в настоящее время продолжает углубляться кризис правосознания россиян, который связан с социальным пессимизмом и потерей смысла жизни, что можно обозначить как экзистенциальный вакуум. Для его преодоления перед человеком должна стоять перспектива достижения высоких, отдаленных и социально значимых целей, которые и задают истинный смысл всей его жизни и исключают любые формы продажности. При наличии такой перспективы возможно достижение гармонии между частными и публичными интересами.

Когда личность отвергает правовые ценности, закрепленные в законе и правовой культуре общества, тем самым она выбирает путь нигилизма, который, впрочем, может выполнять и очищающую функцию, избавляя социум от легитимизованных социальных норм, сдерживающих общественный прогресс. Здесь важно, чтобы субъект не поступался своими экзистенциальными интересами и не покушался на естественные права и свободы Другого. Нередко возникает своеобразный правовой парадокс: защищая свое естественное право на достойную жизнь, человек вовлекается в коррупционные отношения для того, чтобы материально обеспечить себя и своих близких. Видимо, следует различать коррупцию бедных и коррупцию богатых: если первые спасают себя от нищеты, то вторые ввергают в нее других. Однако здесь наблюдается уже другой парадокс: если благодаря мздоимству человеку удастся перейти из разряда бедных в разряд богатых, то, он, как правило, по-прежнему стремится к незаконному обогащению и редко отказывается в дальнейшем от своей коррупционной

деятельности, хотя это и грозит ему суровым уголовным наказанием.

Многие не выдерживают искушения, попадают под власть золотого тельца и становятся на иррациональный путь безудержного обогащения. Все возрастающее число судебных приговоров к смертной казни за коррупцию высокопоставленных китайских чиновников – тому свидетельство. Так, мировые СМИ широко освещали арест члена Постоянного комитета Политбюро КПК Чжоу Юнкана, курировавшего полицию и госбезопасность КНР. Из его дома сотрудниками правоохранительных органов было вывезено четыре грузовика наличности и два грузовика с золотыми и нефритовыми украшениями. И это несмотря на то, что коммунистическая идеология всех своих приверженцев обязывает видеть только плохое в частной собственности. Стоит заметить, что китайские граждане не остаются в стороне от борьбы с этим социальным злом и пишут по несколько миллионов доносов в год на чиновников-мздоимцев.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, уже во времена зарождения человеческой цивилизации возникает феномен коррупции из-за имеющегося диалектического противоречия между частным и публичным, а также из-за несовершенства любой государственной формы. История свидетельствует, что развитие государства, частной собственности и права стало основным фактором генезиса коррупции. Тотальное доминирование публичного в общественных отношениях не приводит к искоренению взятки. Во-вторых, уровень коррумпированности выступает критерием того, насколько социально здоровыми являются отношения в обществе, соответственно, насколько оптимально соотносятся друг с другом в правовом пространстве *частное*, представляющее собой экзистенциальную основу гражданского общества, и *публичное*, составляющее ценностно-смысловой базис государства. Коррупция разъедает цивилизованные начала социума, тормозит общественно-исторический прогресс и создает риск распада государства и даже его исчезновения. В-третьих, между частным и публичным имеется диалектическая взаимосвязь: они выступают как противоположности, но при этом не могут существовать друг без друга. Коррупция – это социально

деструктивное проявление частного. В-четвертых, системная борьба с коррупцией объективно требует установления между частным и публичным равноправных «договорных» отношений, когда государство всемерно отстаивает естественные права и свободы гражданина, а тот, в свою очередь, без внешнего принуждения, сознательно защищает государственные интересы и национальные приоритеты. Для этого в правовой культуре общества должны доминировать «договорные» паттерны социального мышления и поведения. В-пятых, для преодоления любых форм продажности необходимо наличие у граждан перспективы достижения высоких и общественно значимых целей, которые и будут задавать истинный смысл их жизни.

Материал поступил в редколлегию 10.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердяев Н.А. 1990. Духи русской революции. М. : Лит. учеба. С. 123-139.
- Вениамин, игум. (Новик). 2001. Владимир Соловьев: социальное измерение духовности // Вестник Рус. студен. христиан. движения. № 182 (1). С. 157-185.
- Ильин И.А. 1993. О сущности правосознания. М. : Парогъ. 235 с.
- Костомаров Н.И. 1993. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Воениздат. 765 с.
- Ленин В.И. 1970. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. М. : Политиздат. Т. 44. С. 157-176.
- Мамардашвили М.К. 2000. Эстетика мышления. М. : Моск. шк. полит. исслед. 416 с.
- Мартьянов В.С. 2017. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сословности // Вестн. Рос. акад. наук. Т. 87, № 6. С. 511-519.
- Печатнова Л.Г. 2001. История Спарты: Период архаики и классики. СПб. : Гуманит. акад. 510 с.
- Рассел Б. 2001. История западной философии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 992 с.
- Рижский М.И. 1992. Библиейские вольнодумцы. М. : Республика. 236 с.
- Руденко В.Н. 2014. Quaestiones perpetuae или древнеримский опыт правосудия без коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 443-454.
- Солженицын А.И. 2009. Архипелаг ГУЛАГ. М. : Альфа-книга. 1280 с.
- Guliaikhin V., Galkin A., Vasil'eva E. 2013. Young people's and children's social associations as agents of secondary socialization: The experience of a regional survey // Russian Education and Society. Vol. 55, № 7. P. 68-78.

Vyacheslav N. Gulyaikhin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, Department of Theory of Law and Human Rights, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russia. E-mail: gulyaich@yandex.ru

CORRUPTION AS AN ATTRIBUTE OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT CRISIS: DIALECTIC OF PRIVATE AND PUBLIC IN EVOLUTION OF STATE

Abstract. The initial thesis of the article is the statement that the phenomenon of corruption arises already at the time of the birth of human civilization, primarily because of the existing fundamental dialectical contradiction between private and public, aggravated by the imperfection of the existing forms of government. The concept of a normal legal consciousness of I.A. Il'yin, and the idea of contractual consciousness of M.K. Mamardashvili are used as a methodological basis of the study. The author provides historical facts, which show that the imperfection of such institutions as the state, private property, and law is the main factor behind the genesis of corruption. The level of its penetration into the system of social relations is an indicator of how healthy is the relationship between a person, society, and the state. The relationship between private, which is an existential basis for the existence of a person and society, and public, which is a system-forming principle of the state, is optimal. There are dialectic relations between these fundamental principles in accordance with the law of unity and struggle of opposites: they act as antagonisms, but their existence is impossible without each other. The author concludes that it is possible to overcome corruption only when establishing equal "contractual" relations between private and public, according to which state institutions protect the rights and freedoms of citizens, and in turn, those ones are ready to defend the interests of the state. It is important to consolidate the "contractual" patterns of thinking and behavior in the legal culture of society. Theory of the normal contractual state of legal consciousness is proposed in the article. This theory may be useful for advanced research aimed at solving the problems of systemic fight against corruption.

Keywords: corruption; public; private; legal consciousness; dialectics; contractual consciousness; civilization; patterns of thinking; evolution, crisis.

References

Berdyayev N.A. *Dukhi russkoy revolyutsii* [Spirits of the Russian revolution], Moscow, Literaturnaya ucheba, 1990, pp. 123-139. (in Russ.).

Guliakhin V., Galkin A., Vasil'eva E. Young people's and children's social associations as agents of secondary socialization: The experience of a regional survey, *Russian Education and Society*, 2013, vol. 55, no. 7, pp. 68-78.

Ilyin I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of justice], Moscow, Rarog", 1993, 235 p. (in Russ.).

Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the biographies of its main figures], Moscow, Voenizdat, 1993, 765 p. (in Russ.).

Lenin V.I. *Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov* [New economic policy and objectives of political propaganda], *V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1970, vol. 44, pp. 157-176. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking], Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2000, 416 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Protivodeystvie korruptsii v situatsii novoy rossiyskoy soslovnosti* [Anti-corruption in the situation of the new Russian estate], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 87, no. 6, pp. 511-519. (in Russ.).

Pechatnova L.G. *Istoriya Sparty: Period arkhaiski i klassiki* [History of Sparta: Period of the Archaic and Classical], St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2001, 510 p. (in Russ.).

Rizhskiy M.I. *Bibleyskie vol'nodumtsy* [Biblical freethinkers], Moscow, Respublika, 1992, 236 p. (in Russ.).

Rudenko V.N. *Quaestiones perpetuae ili drevnerimskiy opyt pravosudiya bez korruptsii* [Quaestiones perpetuae or the ancient Roman experience of justice without corruption], *V.N. Rudenko (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 443-454. (in Russ.).

Russell B. *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy], Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 2001, 992 p. (in Russ.).

Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULag* [GULAG Archipelago], Moscow, Al'fakniga, 2009, 1280 p. (in Russ.).

Veniamin, hegumen (Novik). *Vladimir Solov'ev: sotsial'noe izmerenie dukhovnosti* [Vladimir Solovyov: the social dimension of spirituality], *Vestnik Russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya*, 2001, no. 182 (1), pp. 157-185. (in Russ.).